

Для цитирования:

Корнев А. В. Правовое регулирование в свете традиций и инноваций // European and Asian Law Review. 2024. № 3. Т. 7. С. 59–70. DOI: 10.34076/27821668_2024_7_3_59.

Information for citation:

Kornev, A. V. (2024) Pravovoe regulirovanie v svete traditsii i innovatsii [Legal Regulation in the Light of Traditions and Innovations]. *European and Asian Law Review*. 7 (3), 59–70. DOI: 10.34076/27821668_2024_7_3_59.

УДК 340.12

BISAC 052000

DOI: 10.34076/27821668_2024_7_3_59.

Научная статья

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СВЕТЕ ТРАДИЦИЙ И ИННОВАЦИЙ

А. В. Корнев

Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина

ORCID ID: 0000-0001-8693-7758

Настоящая статья посвящена современным проблемам правового регулирования. В отечественной правовой науке предпринимаются попытки существенно пересмотреть подходы не только к относительно самостоятельной проблеме, а именно к правовому регулированию, но и к роли права вообще. Конечно, технологии существенно влияют на правовую среду, которая все более приобретает цифровые очертания. Вместе с тем общие принципы и взгляды в основе своей продолжают оставаться прежними. В связи с этим обозначилась проблема совместимости традиционных подходов к правовому регулированию и необходимости внесения корректировок в устоявшиеся теоретические и практические установки, по возможности сохраняя те положения, которые могут считаться в некоторой степени фундаментальными.

Ключевые слова: государство, право, регулирование, технологии, цифровизация

LEGAL REGULATION IN THE LIGHT OF TRADITIONS AND INNOVATIONS

Arkady V. Kornev

Moscow State Law University named after O. E. Kutafin

ORCID ID: 0000-0001-8693-7758

This article is devoted to modern problems of legal regulation. In domestic legal science, attempts are being made to significantly revise approaches not only to a relatively independent problem, namely legal regulation, but also to the role of law in general. Of course, technology significantly influences on the legal environment, which is increasingly becoming digital. At the same time, the general principles and views fundamentally continue to remain the same. In this regard, the problem of compatibility of traditional approaches to

legal regulation and the need to make adjustments to established theoretical and practical guidelines has emerged, preserving, if possible, those provisions that can be considered to some extent fundamental.

Keywords: *state, law, regulation, technology, digitalization*

В современной юридической науке отчетливо просматриваются тенденции отказа от сложившихся ключевых подходов, которые формировались не только в советский период, но и в дореволюционный. Советская юридическая наука не на пустом месте разрабатывала свои конструкции, пусть и в новых исторических условиях. Известная преемственность была. Конечно, по строго идеологическим причинам признавать данный факт было невозможно. Но это вовсе не значит, что этого не было. При всех тех изменениях, которые происходят в настоящее время, мы не должны забывать, что право по своей природе – довольно консервативная регулятивная система. Это вовсе не значит, что никаких изменений в правовой среде быть не может. Тем не менее если право как универсальный регулятор общественных отношений не будет меняться, то и оно неизбежно превратится в бесполезный и никому не нужный институт.

При этом есть смысл оговориться. В рамках настоящей статьи под правом будет пониматься прежде всего его законодательная (нормативная) форма. Иными словами, право рассматривается как инструмент, с помощью которого государство и общество пытаются формировать качественно иную социальную действительность. Автор этих строк далек от мысли, что право имеет якобы свою собственную жизнь и развивается по своим собственным законам. Фантазий в этой части наблюдалось много. Особенно до недавнего времени. Тем не менее ключевые события последних лет, а именно «пандемия» и СВО, заставили нас существенно пересмотреть свои взгляды и, если угодно, освободиться от некоторых романтических ожиданий, собственных людям с не критичным отношением к окружающей действительности. Представляется, что иллюзии постепенно рассеиваются.

Теоретическая наука не может замыкаться в собственном пространстве, без оглядки на то, что происходит в действительности. В реальности же мы видим попытки представить право в виде неких правил, которые разрабатываются меньшинством, но при этом предлагаются к выполнению большинству. Кризис международного права стал очевиден. Причем он назревал давно и в каком-то смысле является вполне объективным на фоне тех геополитических процессов, начало которых было положено развалом СССР. Вряд ли тогда представляли себе последующую цепь событий даже те, кто был вольным или невольным инициатором этого процесса. В нашей стране таковых оказалось не так много.

Мир, если говорить совсем серьезно, вступил в период геополитической турбулентности, завершение которого не вполне очевидно. Конечно, можно было бы и не акцентировать внимание на этом применительно к проблематике статьи. Но, увы, приходится. Как ни критикуй глобализм (еще совсем недавно в этой части доминировал комплиментарный подход), но события в одной части мирового пространства непременно затрагивают и другие регионы.

Таким образом, право (закон) испытывает на себе влияние разносторонних факторов, как внешних, так и внутренних. Сегодня нужно доказывать, а когда-то это не подлежало сомнению: «Материалистическое понимание права предполагает также признание того, что его важнейшие качественные свойства (общезначимость, нормативность, обязательность) коренятся в правовой природе соответствующих материальных отношений, которые в классовом и государственно-организованном

обществе с объективной необходимостью порождают определенную юридическую форму» [Королев, Явич, 1987].

Суть проблемы будет обозначена в нескольких тезисах. Причем одни из них обуславливают другие.

Итак, тезис первый. Он состоит в том, что право по-прежнему в обозримом будущем сохранит статус универсального социального регулятора. Цифровизация, алгоритмизация, технологизация правовой среды меняют формы правового регулирования, но никак не его суть.

Прогнозов относительно трансформации роли права было высказано более чем достаточно, особенно в период «удаленного» периода жизни общества, когда физические контакты между людьми свелись до минимума. Значительная часть работников выполняла свои функции в дистанционном режиме.

Стоит отметить, что отечественный правопорядок был к этому не готов. Как, впрочем, и другие. Пришлось в срочном порядке менять законодательство, правоприменительную практику под новые условия. Тогда же все громче стали раздаваться голоса, что право утратило свойство «универсального» социального регулятора, которое оно приобрело примерно с XIII в. Именно в этот период в рамках европейской цивилизации сформировалось такое отношение к праву, которое берет свое начало еще в римской античной культуре.

Временная смена «уклада жизни» не могла не сказаться на общих настроениях. Пандемия, с одной стороны, позволила по-новому посмотреть на роль технологий в современном обществе, а с другой – напомнила человеку о том, что технологическая оснащенность вовсе не гарантирует ему безопасное существование. Иными словами, вера во всемогущество технологий была сильно подорвана. Как и уверенность в безопасном и гарантированном потреблении, которую якобы дает современная цивилизация. Некоторые публичные, не лишённые харизмы люди вообще поспешили заявить об «обнулении» практически всех социальных проектов: глобализации, урбанизации, либерализации и пр.

Действительно, имел место некий перезапуск. Мир по-новому посмотрел на привычные вещи. Но, как часто это бывает, мы порой переоцениваем или, наоборот, недооцениваем суть происходящих событий.

Однако еще раньше в юридической науке стали иначе смотреть не только на право, его функции, роль, традиционные формы. Все, что так или иначе связано было с технологиями, особенно с цифровыми, подверглось некоторому пересмотру. Стали защищать диссертации, где рассматривались проблемы «электронного», «цифрового государства», «электронной демократии», «цифрового правосудия» и т. д. Это стало своего рода модой. Редкая статья, монография обходилась без обильного цитирования К. Шваба, особенно его работы «Технологии четвертой промышленной революции».

Между тем сам К. Шваб, рассуждая о новом образе мышления для руководителей, счел нужным оговориться: «Велик соблазн сосредоточить все внимание на самих технологиях, но на самом деле важнее всего системы, обеспечивающие благосостояние людей. При наличии политической воли, инвестиций и совместной работы всех заинтересованных групп технологии могут создать условия для построения новых систем, которые будут лучше выполнять свои задачи. Без этого новые технологии могут усугубить недостатки существующих систем» [Шваб, 2023].

И это весьма примечательное уточнение. Не стоит путать цели со средствами, а также менять местами сущность, форму и содержание. Может быть, это простиительно на бытовом уровне, но никак не в научных работах. Использование техно-

логий, пусть и цифровых, нисколько не меняет природу государства как политического института, который призван не только обеспечивать интеграцию общества, но и применять легитимное принуждение в случае необходимости. Точно так же подача искового заявления в электронной форме никак не меняет сущность правосудия как особого рода деятельности. Технологии только оптимизируют процесс, но не меняют его природы.

Много необоснованных надежд возлагают на технологии машиночитаемого права. Высказываются мнения относительно исчезновения права в привычной всем форме. Вместе с тем есть и скептики. Надо ли это вообще делать? Норму-правило поведения легко превратить в алгоритм. Но что делать с нормами-принципами, декларациями? Как машина будет интерпретировать «справедливость» или «гуманизм»? Специалисты говорят, что пока никакому искусственному интеллекту это не под силу. Что же нам тогда предпринять? Отказаться от принципов, «от века» служивших фундаментом правотворчества и правореализации? Но что это будет за общество, где исчезнет справедливость? Вопросов много, а вот ответов пока нет. Хотя технологии машиночитаемого права с успехом используются там, где имеет место «рутинная», «механическая» юридическая деятельность.

Любопытная ситуация наблюдается с «цифровыми» правами. Явно в контексте общей тенденции в Гражданский кодекс РФ была внесена соответствующая статья (ст. 141.1), которую имеет смысл частично привести: «Цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законам признакам».

Настоящая редакция по сути отказывает в признании таковых прав, если они всего лишь являются разновидностью обязательственных и иных прав. Каких иных? Есть ли их законченный перечень? Да и само содержание данной статьи с точки зрения юридической техники вызывает вопросы.

Явно напрашиваются аналогии с «цифровой экономикой». Практически во всех специальных изданиях под таковой понимают соответствующую форму экономической деятельности, не более того. Однако защитники в качестве «аргумента» приводят, к примеру, суммарные обороты крупнейших торговых компаний с использованием информационно-коммуникационных технологий.

До этого много говорили об информационной экономике. Известный экономист Дж. Стиглиц, лауреат Нобелевской премии 2001 г., предпочитает употреблять словосочетание «экономика информации». Тут очень важно расставить акценты, чтобы с пониманием относиться к сути вопроса.

Тезис второй. Правовое регулирование должно быть «выстроено» под выполнение стратегических задач, а именно технологическое и социогуманитарное лидерство Российской Федерации.

В настоящее время уже не нужно доказывать пагубность того курса, который был избран после развала СССР. Если говорить откровенно, то происшедшее со страной можно смело назвать деиндустриализацией. Во времена реализации социалистического проекта наше государство по всем критериям отвечало показателям индустриально развитых странах. В некоторых областях мы были лидерами. Правда, существенно отставали в области радиоэлектроники, некоторых других сферах. Тем не менее наука, образование, медицина, спорт, искусство – все это составляло предмет законной гордости. И вдруг по воле прежней политической верхушки (слово «элита» явно не для них) все было разрушено. Сознательно или нет – это другой вопрос. К сожалению, на общегосударственном уровне до сих пор настоящей,

объективной оценки «реформам» Ельцина – Гайдара нет. Упомянутый Дж. Стиглиц назвал главу 5 своей книги «Глобализация: тревожные тенденции» предельно откровенно: «Кто потерял Россию?» Стиглиц констатирует: «...Россия получила совсем не то, что обещали ей сторонники рыночной экономики или на что она надеялась. Для большинства населения бывшего Советского Союза экономическая жизнь при капитализме оказалась даже хуже, чем предостерегали их прежние коммунистические лидеры». И далее: «Опустошение, выраженное в потерях ВВП, было большим, чем Россия испытала во Второй мировой войне. В период 1940–1946 гг. промышленная продукция в Советском Союзе сократилась на 24 %. За период 1990–1999 гг. промышленное производство России упало почти на 60 % – даже больше, чем ВВП (54 %)» [Стиглиц, 2003].

Совершенно непонятно в связи с этим использование слова «реформы» применительно к тому периоду. Хорошо помню, что некоторые из ныне здравствующих политиков говорили о том, что нам не нужны никакие производства, поскольку «мы все можем купить». Другие договорились даже до того, чтобы передать наш ядерный потенциал под «юрисдикцию мирового сообщества», поскольку нам дорого и сложно им управлять. Сегодня мы пожинаем плоды этой политики, которую так и хочется назвать преступной.

Между тем технологии в современный период есть ведущий фактор развития. Борьба за технологическое лидерство приобрела жесткие формы. Понятно, что технологический фактор становится главным условием экономического лидерства. Для России же это условие ее выживания. Никто уже особо не скрывает планы в части судьбы нашей страны. Мы ее видим иначе, чем они. Кто это «они», сегодня никому объяснять не нужно.

В связи с этим перед юридической наукой и практикой обозначаются новые, масштабные задачи. Законодательство должно всячески стимулировать развитие научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ. В данный момент можно и нужно учитывать положительный опыт западных стран. Там мы наблюдаем фактически безупречное юридическое сопровождение научно-исследовательской, творческой деятельности. Не стоит повторять худший опыт. Наши ученые и спортсмены всегда юридически были не очень защищены, поскольку мы просто не придавали этому должного значения. Время, к сожалению, не на нашей стороне в этом случае. Даже в медицинских технологиях, причем самых элементарных, Россия отстает приблизительно на 20–25 лет. В развитых странах люди зрелого возраста не так страдают от неизбежных расстройств здоровья, как у нас. Конечно, не стоит идеализировать западную социально-экономическую систему. Проблем там хватает. Тем не менее учиться можно и нужно. Та продукция, которая относится к высоким технологиям, преимущественно не российского производства. В таких условиях надеяться на технологическое лидерство бессмысленно. Никто просто так технологиями делиться не будет. Технологическое пространство современного мира выглядит примерно следующим образом. Одна-две страны (центра) разрабатывают политику и принципы технологий. Три-четыре страны эти технологии создают. Всем же остальным предлагают их покупать. Правда, не всех это устраивает. Да и потом, технологии могут продать, а могут и не продать. Это будет зависеть от того, в чьих руках находятся технологии.

Конечно, технологии несут и определенные риски. Обоснованно ставится проблема адекватного правового регулирования технологического развития. Технологии сегодня явно впереди права. Использование отдельных технологий может представлять угрозу для человечества. Сколько споров мы наблюдаем вокруг ис-

кусственного интеллекта. Раздаются голоса даже о прекращении разработок в этой сфере (И. Маск). Но здесь скорее просматривается расчет, а вовсе не забота о человечестве. «Вы прекращаете этим заниматься, а мы будем», – видимо, это стоит за такими призывами. И цель тоже очевидна: господство над остальными, технологически менее развитыми и зависимыми.

Совершенно справедливо поставлена задача достижения экономического и технологического суверенитета. И здесь не до игры слов, «суверенитет либо есть, либо его нет». Конечно, мы привыкли интерпретировать категорию «суверенитет» как политико-правовую конструкцию. Однако со временем смысловое содержание любых теоретических конструкций трансформируется. Вполне можно вести также речь о финансовом суверенитете. И уже обозначилась проблема когнитивного суверенитета. Разумеется, по этому поводу можно и несколько поиронизировать. И все-таки проблема есть. А раз это так, то ее необходимо решать.

Теперь, что касается социогуманитарного лидерства. Тут не все так просто, как может показаться на первый взгляд. Мы видим, что европейская цивилизация перестает быть христианской. Она «расчеловечивает» человека как созданного по образу и подобию Божию. Церемония открытия парижской Олимпиады возмутила даже значительный сегмент западного социума. Трудно сказать, сбываются ли мрачные прогнозы относительно западной культуры Ф. Ницше, О. Шпенглера и других европейских интеллектуалов.

Россия сегодня выступает за сохранение традиционных ценностей. В связи с этим мы находим сочувственный отклик в исламском, китайском, индусском и других культурно-исторических типах. Но не стоит забывать, что традиционные ценности есть укоренившиеся основы каждой цивилизации в отдельности. Могут ли они быть общими – большой вопрос. Да, совпадений много. Но есть и серьезные различия.

Объективности ради стоит отметить преимущества советского проекта, от которого мы так поспешно отказались. Он ассоциировался с обществом, основанным на справедливости. И были в связи с этим грандиозные успехи. Наша страна имела гораздо больше союзников по всему миру, чем сегодня. Наберем ли мы их с легко подретушированным капитализмом? Ответить очень сложно. Доступные образование, работа, жилье, медицина имеют гораздо более привлекательный потенциал. Взять, к примеру, семью в ее традиционном понимании. Этот институт деградирует у нас точно так же, как и в западных странах. Если на 1000 браков приходится 650 разводов, то о какой крепкой семье можно говорить? Да и потом, большие агломерации, как и города в целом, семью ставят в очень уязвимое положение, ибо степень взаимосвязи и взаимозависимости между людьми сокращается. Нужно что-то делать по минимизации объективных факторов, негативно влияющих на традиционные институты, включая семью.

И здесь нужно продуманно задействовать юридические механизмы. Россия по-прежнему вымирает. Необходимо как-то останавливать этот процесс. В некоторых государствах законодательство стимулирует прием на работу многодетных родителей. Там за беременными женщинами буквально гоняются работодатели. Чем их больше, тем меньше налогов платят компании. Это отличный пример стимулирования и экономики, и демографии одновременно.

Если в области технологий нам нужно просто бежать, наверстывая упущенное, то в гуманитарной сфере торопиться как раз не стоит. У любой цивилизации есть свои духовные основы. Пока они есть, ей ничего не угрожает.

Тезис третий. Первичная задача юридической науки, образования и практики, как следует из Послания Президента РФ от 29 февраля 2024 г., состоит в «создании правовой среды для новых рынков и технологий».

Во многом этот документ является судьбоносным. В нем расставлены, как принято говорить, все точки на «і». Пожалуй, впервые после начала исправления явных перекосов прежних реформ перед юридической наукой и практикой поставлены конкретные задачи. У права нет собственной сферы бытия. Но оно присутствует во всех других: экономической, политической, социальной, духовной. Правовая инфраструктура связывает эти сегменты общества воедино.

Некогда классики (такowymi считались когда-то родоначальники исторического материализма) считали, что право может тормозить общественное развитие, отрываться далеко вперед, т. е. терять почву в материальных основах бытия социума, или быть адекватным ему. Последний вариант явно считался более предпочтительным.

По всей видимости, наступило другое время. Технологии и рынки должны «надстраиваться» на подготовленный правовой фундамент. Опыт тех стран, которые в короткое время смогли совершить технологический и экономический рывок (Китай, Сингапур, Южная Корея и др.), говорит как раз об этом.

Тезис четвертый. Он органично связан с третьим. Суть проблемы состоит в том, что право традиционно следовало за фактом (общественным отношением). Вызовы времени диктуют иной подход, а именно опережающее развитие правовой среды по отношению к социальной, в самом широком смысле этого слова. Необходим не столько регулятивный, сколько социоформирующий механизм.

Юристам придется в известной степени отказаться от привычных стереотипов. Мы привыкли к тому, что правовое регулирование должно подстраиваться под уже сложившиеся общественные отношения или, как сейчас говорят, коммуникации. В известной степени традиция состояла в том, чтобы законодатель не смотрел на себя как на изобретателя, который в своей лаборатории может придумывать все что угодно.

В каком-то смысле данная точка зрения вполне обоснована. Но она более соответствует устаревшим стереотипам. Сегодня время как бы «сжимается» и за небольшой по историческим меркам период могут происходить события огромной общественной и исторической значимости. Прежнее понимание правового регулирования можно назвать «постфактумным». Генезис любого права примерно таков: социальный факт – норма – правовое отношение. Иными словами, мена или дарение как факт действительности появляется раньше, чем норма права, которая это регулирует.

В настоящее время правовое регулирование должно быть ориентировано на опережение. В связи с этим существенно возрастает роль социального прогнозирования, под которое и должен выстраиваться механизм правового регулирования. Право больше не может оставаться инертным регулятивным механизмом. Представляется, что главная задача права состоит в том, чтобы выступать в роли главного фактора формирования желаемой социальной среды. Иными словами, право следует рассматривать в качестве основного фактора конструирования социальной действительности.

Тезис пятый. Юристам, как теоретикам, так и практикам, следует осознать не только регулятивный, но и инновационный потенциал права.

Мы живем во времена инноваций и технологий. Мир переживает IV технологическую революцию в своей истории и переход к VI технологическому укладу. Пока

у России довольно скромные показатели на этот счет, если взять структуру отечественной экономики.

Современный период интересен тем, что у права появляется перспектива стать драйвером инновационного развития. Можно выявить одну закономерность успешного проведения экономических реформ. К России, увы, это не относится. Там, где была удачно проведена экономическая модернизация (прежде всего страны Юго-Восточной Азии), специально «под реформы» было сформировано законодательство. Заметим: прежде, а не постфактум.

Обратимся не к современности, а к историческому примеру, революции Мэйдзи в Японии. Программа нового правления, объявленная в апреле 1868 г., получила название Клятвы Пяти пунктов. Приведем два последних: «Будут устранены все дурные обычаи прошлого времени, и все будет делаться по справедливым законам»; «Полезные знания будут заимствоваться у всех наций мира, и таким путем Империя достигнет высшей степени расцвета» [Танака, 2021].

Для проведения своих реформ японцы обратились сначала к французским юристам, а затем к немецким. Французы были слишком ориентированы на идеалы Просвещения, что не совсем подходило к традиционному японскому обществу.

Таким образом, право имеет огромный инновационный потенциал. Сегодня нужны новые подходы к роли и предназначению права. Причем иногда не нужно что-то кардинально переосмысливать. И. Кант, его последователи, в том числе в России, как раз воспринимали право в этом ключе. Рациональные инновации – одна из ипостасей западного проекта. Неокантианцы вслед за своим последователем считали, что разум не только отражает действительность, но и создает его идеальные образы, которые могут заключаться в правовых нормах. Они суть модели желаемой, а не настоящей социальной реальности. Как видим, нового здесь ничего нет, но регулятивный потенциал огромен.

Тезис шестой. Он заключается в том, чтобы эффективность правового регулирования рассматривать в контексте социальных (в первую очередь) и юридических (во вторую) аспектов.

В период так называемой перестройки в академических юридических кругах настойчиво звучал тезис об избыточном правовом регулировании общественных отношений, которое стало следствием «командно-административной системы». Предлагалось делать ставку на запреты, т. е. установить исчерпывающий перечень запретов, а все остальное разрешить. В ходу была известная римская формула «все, что не запрещено, то разрешено».

Как известно, количество законов, во-первых, не гарантирует их качества, во-вторых, вовсе не сулит эффективного регулирования. В настоящее время массив нормативных правовых актов, принятых на федеральном уровне, уровне субъектов и органов местного самоуправления, в своей совокупности составляет несколько миллионов. Точную цифру назвать сложно. Что с этим делать, никто не знает. Не помогают никакие технологии. Причем есть примеры, когда в одном субъекте федерации конкретный вид отношений регулируется всего одним законом, а в другом их десятки.

Признать такое положение нормальным не представляется возможным. И вообще, уровень бюрократизации и «заурегулированности» в настоящее время не идет ни в какое сравнение с советским периодом. Но это одна часть проблемы. Есть и другая, не менее значимая.

Юристы в первую очередь оценивают эффективность правового регулирования исключительно с формальных позиций. Если норма реализована, то все вроде бы

и хорошо. Однако это не совсем правильно, точнее, совсем неправильно. Можно привести массу примеров, когда нормы реализованы, а положительного социального эффекта нет. Или он скорее отрицательный, чем положительный. Нам давно пора понять, что реализация закона не всегда ведет к социальному благу. К пользе отдельного лица или финансово-промышленных групп – да. Долгое время у нас существовала теневая, «офшорная» экономика, от которой мы не избавились до сих пор. Весь «фокус» в том, что такая структура выстраивалась в полном соответствии с законом. До недавнего времени все платили 13 %, а миллиарды долларов выводились в офшоры под символические 3 %.

Много разговоров, именно разговоров, ведется о состоянии нашего образования. Практически все им недовольны. А разве это падение не следствие реализации соответствующих правовых норм? Одним словом, с помощью закона можно созидать, а можно и разрушать.

Тезис седьмой. Правовое регулирование должно быть ориентировано на позитивное преобразование правовой среды, измеряемое в количественно-качественных показателях.

Следует наконец отказаться от того, чтобы что-то «улучшить», «углубить», «усилить», «оптимизировать» и пр. В Китае, к примеру, чиновников высшего уровня некогда стали привлекать к уголовной ответственности, если они на вверенных им участках работы прибегали к туману общих мест, абстрактным, ничего не содержащим формулировкам при планировании деятельности вверенных им ведомств. Сегодня нужна конкретика. Право должно стать инструментом формирования позитивной социальной реальности. Если нет изменений, которые можно продемонстрировать количественно-качественными показателями, то правовые механизмы мертвы, бесполезны. Как живуча оказалась формула «трудно менять, ничего не меняя, но мы будем!» (М. Жванецкий).

Тезис восьмой. Из всех типов понимания права и выстраивания соответствующего механизма правового регулирования для выполнения поставленных задач более всего подходит синтез нормативного (во всех его вариантах) и социологического подходов при условии их предельной рационализации.

«Поиски» права все еще продолжаются. Упрек И. Канта в части того, что юристы все еще выясняют, что есть право, сохраняет актуальность. Конечно, правопонимание было и останется важнейшей проблемой, не только теоретической; в первую очередь ясность в понимании того, что есть право, нужна для практической деятельности. Есть совершенно четкая связь между тем, как понимают в той или иной стране право, и понятийным, рабочим инструментом юриспруденции как профессии. Все базовые категории науки и ремесла – правотворчество, правоприменение, правоотношение и пр. – производны от понимания права.

Практической стороне дела нужна определенность. А ее нет и не может быть, если будут бесконечно «конкурировать» хорошо известные и «новые» подходы к пониманию права.

Нормативизм, как показывает практика, ругают совершенно необоснованно хотя бы потому, что он как доктрина и практика никогда не был столь однородным и примитивным, как его представляют себе не совсем компетентные критики. Уже в дореволюционной юридической науке, по крайней мере, выделяли три типа нормативизма: логический, этический и, собственно, юридический.

Уместно провести аналогии. Исторический материализм опровергают ровно для того, чтобы в конечном счете согласиться с ним в главных постулатах. Примерно то же самое имеет место и с нормативизмом. Почти все его критикуют, но

при этом почему-то пользуются понятийным аппаратом, который сформировался в этой юридической школе. Причина более чем банальна: заменить проверенные временем категории просто нечем. Есть предположение, что сторонники альтернативных, практически всегда оппозиционных теорий это прекрасно понимают. Нормативизм всегда был открытой концепцией. Н. М. Коркунов – яркий представитель социологического позитивизма. Это имя! Да и А. Я. Вышинский не только видел право как нормы, исходящие от воли господствующего класса (затем государства), но и допускал влияние на их содержание обычаев и правил общежития, санкционированных государством. А это уже элементы социологического подхода. Так что не стоит демонизировать сам практико-ориентированный подход. Другие в этом смысле еще хуже.

Тезис девятый. Проблемы, стоящие перед юридической наукой, требуют реанимации фундаментальной подготовки юристов, ибо условием инноваций является опережение теоретических знаний по отношению к прикладным.

Что касается этой проблемы, то она находится только в стадии решения. Общая политика в области юридического образования сводилась в последний период к выхолащиванию предметов, которые хотя бы как-то формировали «дисциплину мышления», возможность понимать и оценивать те процессы, которые имеют место в реальности, осмысливать закономерности, в силу которых развивается право. Советскую систему упрекали в избыточности знаний, что само по себе довольно странно. Мы должны четко признать, что ни власть, ни общество, ни бизнес не довольны уровнем подготовки наших выпускников. Есть, разумеется, счастливые исключения. Образование нельзя получить, его можно только взять. Практически во всех вузах сократили часы как раз на фундаментальные дисциплины. На этом фоне придумываются искусственные, мало кому нужные учебные курсы или классические дисциплины разбиваются на множество самостоятельных. Студенты обоснованно жалуются на то, что им приходится по два-три раза «изучать» одно и то же. Настало время вернуть специальности прежнее название – «Правоведение». Нужно делать акцент на изучении права во всех его проявлениях, а не законодательства, которое в течение пяти лет меняется на 80–85 %. Зачем в связи с этим сотни учебников по одной отраслевой дисциплине, который завтра, а то и сегодня, просто уже не нужен? Поэтому вполне понятна позиция руководства вузов, которое не видит никакого смысла в закупках учебников. Это же напрасный перевод денег. Для освоения отраслевой дисциплины нужно владеть понятийным аппаратом, изучать законодательство и судебную практику. Нет никакого смысла переписывать кодекс в учебник. Но именно такие учебники сегодня преобладают.

Президент РФ В. В. Путин 29 февраля 2024 г. уже высказался о роли фундаментальных дисциплин, особенно тех, которые изучаются на первых курсах. Будем ожидать практического реагирования.

Тезис десятый. Общетеоретической юридической науке следует перейти от метафизических спекуляций, интересных только их авторам, к решению практических задач. Отраслевые науки и отраслевое регулирование не получают от теории права серьезного методологического обеспечения.

Не покидает ощущение, что с обретением методологической свободы, если можно так выразиться, наука ничего не выиграла. Для того чтобы писать работы на метатеоретическом (методологическом) уровне, нужно быть или очень талантливым, или смелым. Смелчаков сегодня в науке явно больше.

Ученые-отраслевые постарше еще обращаются с вопросом: «А что по этому поводу говорит теоретическая наука?» Молодые – уже нет.

Попытаемся объяснить, почему так произошло. В прежней системе был заложен определенный порядок, выстроенный под внутренние (реализация социалистического проекта) и внешние (противостояние американскому империализму и его сателлитам) обстоятельства. Тон задавали кафедры марксистско-ленинской философии, научного коммунизма, истории КПСС. Затем «по рангу» следовала кафедра теории государства и права. Учебники по теории государства и права (их тогда было два-три, а не сотни, на всю огромную страну) служили своего рода ориентиром для отраслевых юридических дисциплин и наук. Вся система юридического образования и науки была логичной, структурированной, системной.

В настоящее время ничего подобного нет. Когда система была сознательно разрушена, отечественная наука, подобно пылесосу, стала засасывать без разбора доминирующие на Западе теории, направления, школы: модернизм, постмодернизм, классическая (неклассическая) наука, рациональность, «повороты» (лингвистический, антропологический и прагматический) и пр. Затем, как у классика: «И пошла писать губерния». Самое главное состоит в том, что вместо поиска закономерностей, причин, сути явлений наука ушла в сферу чисто метафизических спекуляций. Субъективное, внутреннее восприятие действительности доминирует над объективностью. Происходит отказ от поисков истины, а сама эта категория получила сразу несколько интерпретаций, которые никак не соотносятся друг с другом.

В западной науке глубоко пустили корни названные направления по вполне понятным причинам. Нужен был уход от реальности, поскольку она никак не соотносилась с привычными, в чем-то стереотипными теоретическими постулатами, бытующими в образовательной и академической среде. Ну кто сегодня, находясь в своем уме, будет рассуждать об общечеловеческих ценностях, глобализме, правах человека, демократии, рыночной экономике в прежних форматах? Если только те, кому за это платят.

Создается впечатление, что Г. Еллинек вновь бы высказался о юридической науке так, как он сделал это более ста лет назад: «Утверждения заменяли факты, убеждения – доказательства. Неясность сходилась за глубокомыслие, произвольные умствования – за высшее призвание» [Еллинек, 1903].

Современная теория права, к сожалению, вместо того, чтобы интегрировать мозаичное юридическое знание в некую систему, сама потеряла ясные ориентиры.

Правовое регулирование станет социально полезным только тогда, когда мы будем понимать то, что мы пытаемся регламентировать, а самое главное – зачем. Если и нужен сегодня «поворот», то он должен состоять в максимально реалистичном восприятии действительности. Новации нужны только тогда, когда они эффективнее прежних инструментов.

Библиографический список

Еллинек Г. Право современного государства. – Т. 1. – СПб.: Общественная польза, 1903. – 532 с.

Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции. – М.: Мысль, 2003. – 300 с.

Танака Т. Япония. Полная история страны. – М.: АСТ, 2021. – 336 с.

Теория государства и права: учеб. / отв. ред. А. И. Королев, Л. С. Явич. – Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1987. – 550 с.

Шваб К. Технологии четвертой промышленной революции. – М.: Эксмо, 2023. – 320 с.

References

Jellinek, G. (1903) *Pravo sovremennogo gosudarstva* [The law of the modern state]. (1), Saint-Petersburg, Obshhestvennaya pol`za, 532.

Korolev, A. I. & Yavich, L. S. (ed.) (1987) *Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik* [Theory of state and law: textbook]. Leningrad, Izdatel`stvo Leningradskogo universiteta, 550.

Schwab, K. (2023) *Tekhnologii chetvertoi promy`shlennoi revolyutsii* [Technologies of the fourth industrial revolution]. Moscow, Eksmo, 320.

Stiglitz, J. (2003) *Globalizatsiya: trevozhny`e tendentsii* [Globalization: alarming trends]. Moscow, My`sl`, 300.

Tanaka, T. (2021) *Yaponiya. Polnaya istoriya strany`* [Japan. The complete history of the country]. Moscow, AST, 336.

Информация об авторе

Аркадий Владимирович Корнев – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (e-mail: kornev_av@rambler.ru).

Information about the author

Arkady V. Kornev – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Theory of State and Law of the Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (e-mail: kornev_av@rambler.ru).

© А. В. Корнев, 2024

Дата поступления в редакцию / Received: 20.10.2024

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 25.10.2024